

Движущие силы исследовательского поведения ребенка

Согласно положению Курта Левина об основных детерминантах человеческого поведения, оно есть функция двух переменных: личности и окружения. Развивая свою мысль, он отмечал, что признание действительности этих двух переменных не предполагает их паритета во всех случаях. Чаще мы сталкиваемся с тем, что действия человека определяются либо ситуацией (или, как говорил К. Левин, «полем»), либо его внутренними потребностями. В первом случае, по терминологии К. Левина, мы имеем дело с поведением «полевым», во втором — с «волевым».

Задача изучения психологических основ исследовательского поведения требует выяснения вопроса о его истоках, о том, что побуждает человека к поисковой активности, откуда берется само желание исследовать окружающий мир. Вызывается ли оно внешними обстоятельствами и, таким образом, можно говорить о нем как о явлении ситуативном, диктуемом исключительно средовым воздействием. Или же, напротив, стремление к исследовательскому поиску обусловлено какими-то глубинными, внутренними, имеющими биологическую природу потребностями.

Мы уже отмечали, что утверждение о существовании биологических корней поисковой активности подтверждено экспериментально, а потому признано и биологией, а вслед за ней и психологией, и никем не подвергается сомнению. При этом, конечно, можно рассматривать исследовательское поведение и как реакцию на ситуацию неопределенности. Данный тип поведения, как мы отметили выше, актуализируется, когда традиционное, стереотипное поведение не дает

желаемого эффекта. Такие ситуации действительно стимулируют проявления исследовательского поведения, но все же основная его причина — глубинная, внутренняя, биологическая по своей природе потребность психики.

Специальные наблюдения и эксперименты, направленные на изучение особенностей исследовательского поведения людей и животных, неоднократно показывали, что исследовательское поведение следует рассматривать как неотъемлемое проявление жизненной активности любого живого существа. Исследовательское поведение призвано выполнять важнейшую функцию — функцию развития. Последняя обеспечивает адаптацию организма к динамичному внешнему окружению и в конечном итоге является гарантией выживания данного организма и вида в целом. Вероятно, поэтому в ходе эволюции природа добилась того, что мотивация исследовательского поведения не только у людей, но и у животных, в ряде случаев оказывается более сильной, чем пищевая или оборонительная.

Ярким подтверждением этого утверждения могут служить результаты экспериментов, проведенных биологами и зоопсихологами на животных. Например, проводя лабораторные эксперименты с крысами, экспериментаторы определили, что исследовательское поведение — внутренняя, биологически детерминированная потребность, а не просто ситуативное явление, вызванное внешними обстоятельствами.

Продолжительное время участвовавшие в эксперименте крысы жили в условиях полного комфорта, удовлетворялись все их потребности.

Животные получали достаточно пищи, они не нуждались в защите от хищников, не было у них необходимости в решении и других проблем. Однако несмотря на это крысы стремились исследовать находящееся рядом и ничем особенно не привлекательное помещение. Животные

стремились в него попасть, хотя их к этому никто не принуждал, и даже более того, это посещение было для них потенциально опасно.

В природе, в естественных условиях исследовательское поведение проявляется у животных постоянно, но оно не так заметно, как в искусственных ситуациях, создаваемых в подобных лабораторных экспериментах, оно вплетено в ткань повседневной жизни и словно замаскировано. Исследовательское поведение животного — естественная часть борьбы за выживание. Оно служит основой приобретения индивидуального опыта. Животное добывает пищу, спасается от хищников, удовлетворяет свои сексуальные потребности, решает другие проблемы, все это часто требует выхода за пределы стандартных схем и постоянного исследовательского поиска.

Явно выраженные проявления исследовательского поведения характерны для всех живых существ, однако степень их различна. В этой связи очень важна закономерность — чем выше уровень психической организации живого существа, тем выше уровень развития поисковой активности, тем ярче проявления исследовательского поведения. Наиболее рельефно эта особенность выражена у человека. Главное качественное отличие человеческого исследовательского поведения от аналогичных проявлений у животных — в том, что потребность в поиске, исследовательская активность у него проявляется не столько в борьбе за выживание, сколько в творчестве.

Для человека творчество — наиболее яркий вариант проявления исследовательского поведения. Исследовательский, творческий поиск важен для человека, по меньшей мере, с двух точек зрения: с точки зрения получения какого-то нового продукта и с точки зрения значимости самого процесса поиска. В социальном, психологическом и образовательном планах особенно ценно то, что человек способен испытывать и

испытывает истинное удовольствие не только от результатов творчества, но и от самого процесса творческого, исследовательского поиска.

Интересный, с этой точки зрения, пример сравнения исследовательского поведения людей и животных описан в книге Р. Бэндлера и Дж.

Гридера [*Бэндлер Р., Гридер Дж. Из лягушек в принцы. — Новосибирск, 1992. — С. 20*]. Студенты, работавшие под руководством Б. Ф. Скиннера, исследовали проблему различий в поведении людей и животных. Они построили большой сложный лабиринт для людей и аналогичный поменьше — для крыс. За успешное прохождение лабиринта человеку давали пять долларов, крысе — кусочек сыра. Люди чуть быстрее научились проходить лабиринт, но никаких особых различий в его прохождении людьми и крысами не было замечено. После того, как крысам перестали давать сыр, а людям деньги, крысы, сделав несколько попыток, прекращали бегать, при этом люди продолжали «прорываться» в лабораторию и пытаться улучшить результат.

Очевидно, интерес к самому процессу прохождения лабиринта осознавался участвовавшими в эксперименте людьми как интересная творческая задача. Более высокие аналитические способности людей подталкивали их к идее о том, что результат можно улучшить путем оптимизации процесса движения по лабиринту, потому и сама процессуальная сторона задачи была более значимой, чем внешнее вознаграждение (пять долларов). Для крыс, при отсутствии подкрепления, вероятно, исследовательская (процессуальная) часть этой задачи выглядела исчерпанной. Единственное, что толкало животное к прохождению лабиринта, — это лакомство, получаемое в итоге.

В других опытах, проведенных исследователем Дж. Грэйем, эта идея была рассмотрена под иным углом. Итоги этого опыта оказались особенно важны с точки зрения педагогической психологии. Крыс также обучали

проходить лабиринт, используя при этом пищевое вознаграждение. Одна группа животных получала его каждый раз, когда справлялась с задачей, а другая группа — лишь в некоторых из таких случаев. Затем в обеих группах пищевое подкрепление прекратили. Крысы, ранее получавшие вознаграждение при каждом успешном прохождении лабиринта, вскоре перестали искать пищевую приманку — произошло «угасание выработанной реакции». Зато крысы, которые лишь иногда находили пищевое вознаграждение (т. е. получали лишь частичное подкрепление), продолжали поиски гораздо дольше. Неопределенность получения награды в процессе обучения, как справедливо полагают экспериментаторы, явилась источником беспокойства, которое выразилось в упорном продолжении безрезультатных попыток и после того, как другая группа крыс отказалась от поисков. Отсюда вывод, принципиально важный для решения образовательных задач, — неопределенность получения награды позволяет дольше сохранять высокую мотивацию выполнения того или иного действия.

О биологических корнях исследовательского поведения красноречиво говорят и многие факты, полученные в результате изучения психосоматических заболеваний. Специалисты, исследовавшие проблемы психосоматических расстройств, утверждают, что поисковая активность важна как фактор регулирования психического и соматического здоровья. Неудовлетворенная потребность в творческом исследовательском поведении у человека может привести к тяжелым расстройствам нервной системы и даже психическим заболеваниям (Бондаренко С. М., Ротенберг В. С.). Внешнее, насильственное ограничение поисковой активности приводит к ущемлению одной из наиболее значимых человеческих потребностей — потребности в исследовательском поиске.